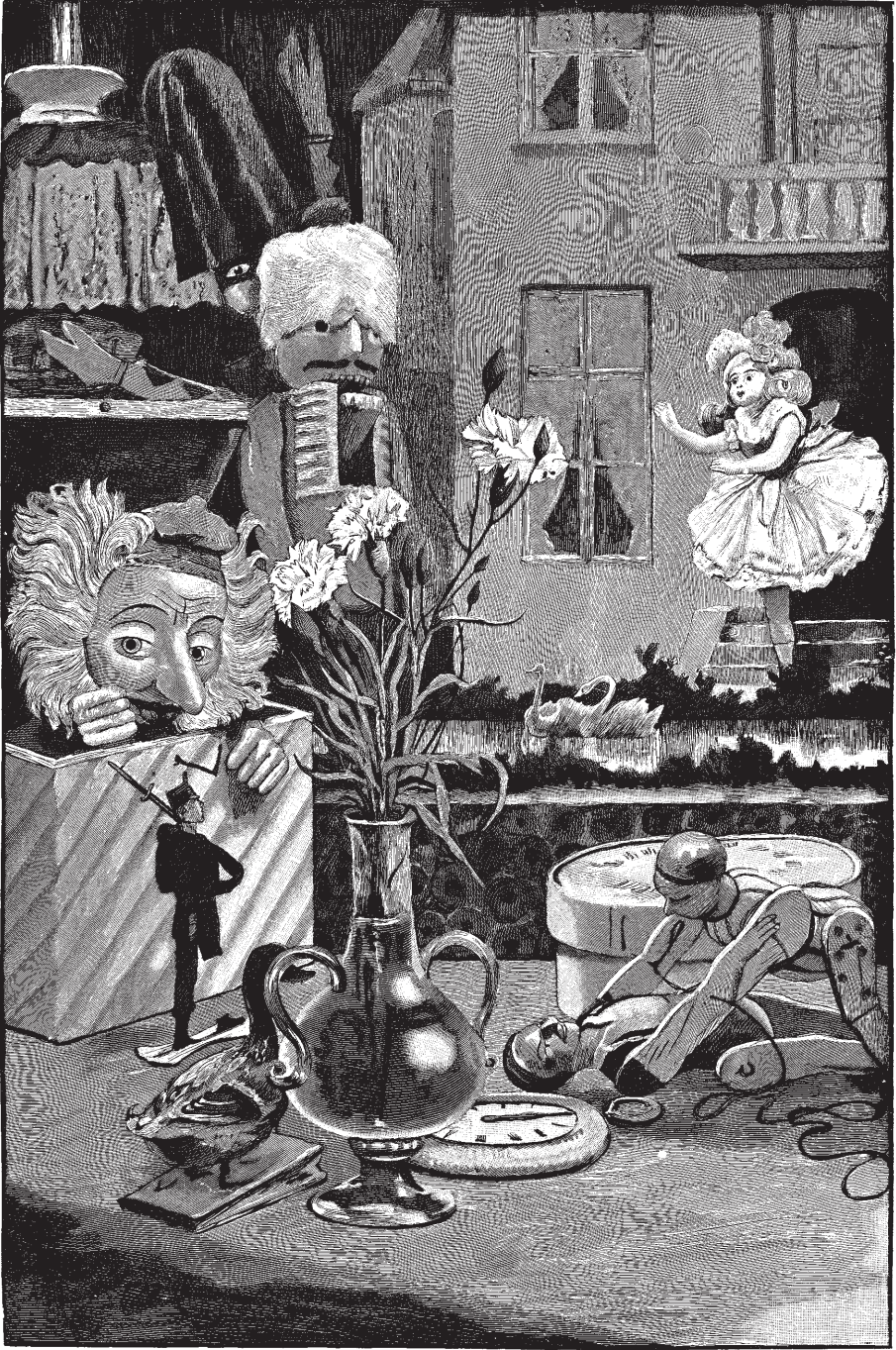

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

ГАНС ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН

ГАНС ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН

Сказки и истории

Иллюстрации
ГАНСА ТЕГНЕРА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (Датский) 6-5
А64

Перевод с датского
А. и П. Ганзен

Рисунок на переплете
Эвелин Стюарт Харди

Ганс Христиан Андерсен

А64 Сказки и истории. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 460 с.:
ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2098-8

В книгу вошли самые популярные сказки великого датского сказочника Ганса Христиана Андерсена (1805—1875).

В издании воспроизводится 230 иллюстраций знаменитого датского художника и одного из лучших иллюстраторов Андерсена — Ганса Христиана Тегнера.

УДК 821.161.1
ББК 84 (Датский) 6-5

ISBN 978-5-9922-2098-8

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

Много лет назад жил король, который так любил красивые и новые платья, что все деньги тратил на одежду. Он не заботился о своих войсках, не интересовался театром, не любил гулять и если ходил на военные парады, в театр или на прогулку, то лишь затем, чтобы показаться в новом платье. Для каждого часа суток у него был особый наряд; и если о некоторых королях часто говорят: «Король в совете», то о нем говорили: «Король в гардеробной».

В том большом городе, где он жил, люди проводили время весело, и туда каждый день приезжали иностранцы. Однажды явились и два обманщика, которые выдавали себя за ткачей и уверяли, будто могут выткать такую чудесную ткань, какой еще свет не видывал. Не говоря уж о замечательно красивых красках и узоре этой ткани, сшитые из нее платья обладают удивительным свойством: их не может видеть человек, который не справляется со своими служебными обязанностями или же просто очень глуп, — для такого они превращаются в невидимки.

«Вот так платя! — подумал король, когда услышал об этом. — Надену такое и сразу узнаю, кто из моих подданных не справляется со своими обязанностями, а кроме того, сумею отличить умных от глупых. Надо, чтобы для меня немедленно начали ткать эту ткань!» И он дал обманщикам много денег вперед, с тем чтобы они тотчас приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и стали делать вид, что работают, хотя на станках у них ровно ничего не было. То и дело требовали они тончайшей и отборной золотой пряжи, а получив ее, прятали по карманам и продолжали работать на пустых станках; и так с утра и до поздней ночи.

«Хотелось бы мне знать, много ли они наткали», — подумал король; но все же ему было как-то не по себе при мысли о том, что ни один дурак, ни один человек, который не справляется со своими обязанностями, не увидит ткани. Конечно, за себя ему нечего беспокоиться, думал он, но не лучше ли послать кого-нибудь другого посмотреть работу ткачей? Весь город знает, каким чудесным свойством обладает их ткань, и всем не терпится поскорее узнать, очень ли глуп и плох сосед.

«Пошлю-ка я к ткачам своего старого честного министра, — подумал король, — он лучше всех разбирается в достоинствах ткани. Он и умен, он и должности своей соответствует как нельзя лучше».

И вот престарелый почтенный министр вошел в зал, где перед пустыми станками сидели обманщики, взглянул на станки и вытаращил глаза. «Боже мой! Что же это такое? — думает. — Ничего не вижу! Никакой ткани!» Однако он умолчал об этом.

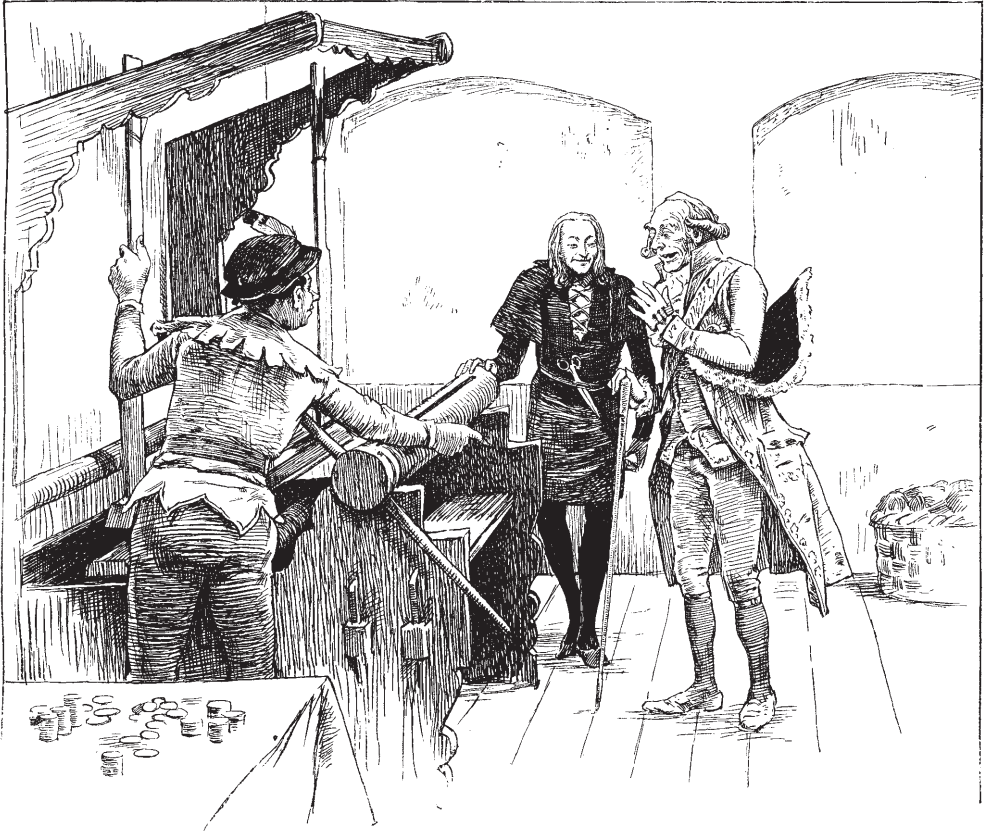
Обманщики попросили его подойти поближе, для того-де, чтобы хорошенько рассмотреть красочный узор ткани, и принялись показывать пальцами в пустое пространство. Бедный старик только таращил глаза, но никакой ткани не видел, потому что ее не было!

«Боже мой! — подумал он. — Неужели я глуп? Вот никогда не подозревал! Но никто не должен об этом узнать. Или, может быть, я не справляюсь со своими служебными обязанностями? Нет, нельзя признаваться, что я не вижу ткани».

— Ну как ваше мнение? — спросил один из ткачей.

— Чудесно! Восхитительно! — ответил старик и сквозь очки устремил глаза на пустые станки. — Какой узор, какие краски! Я передам королю, что ткань понравилась мне чрезвычайно!

— Очень приятно слышать! — сказали ткачи и стали подробно описывать ткань — и краски ее, и затейливый узор. Старый министр внимательно слушал, чтобы потом в точности передать королю их слова.

Ткачи потребовали еще денег, шелка и золота — для того-де, чтобы продолжать работу. Но, получив все это, положили себе в карман, а на станках не появилось ни одной нитки. По-прежнему обманщики ткали на пустых станках.

Немного погодя король послал другого почтенного сановника посмотреть, как подвигается работа и скоро ли будет готова ткань. Однако с ним случилось то же, что и с министром: он смотрел, смотрел, но так ничего и не увидел, кроме пустых станков.

— Как хорош этот кусок ткани, правда? — воскликнули обманщики и принялись показывать пальцами на станок, расхваливая красивые узоры, которых и в помине не было.

«Я, безусловно, неглуп, — подумал сановник. — Но если так, значит, я не справляюсь со своими обязанностями? Вот так история! Однако я и виду не подам, что сам это понимаю». — И он принялся расхваливать ткань, которой не видел, уверяя, что это настоящее счастье — любоваться столь чудесными красками и узорами.

— Прелестно! — сказал и он королю.

Весь город только и говорил, что о великолепной ткани. Наконец и сам король захотел поглядеть на новую ткань, пока ее еще не сняли со станков. С целой свитой избранных царедворцев, среди которых были и оба старых почтенных сановника, отправился он к хитрым обманщикам. А те «ткали» с великим усердием, но по-прежнему на их станках не было ни единого волокна.

— Правда, великолепно?! — воскликнули почтенные сановники, уже побывавшие здесь. — Не угодно ли вашему величеству обратить внимание на краски и узоры? — И они показали на пустой станок, уверенные, что все присутствующие видят на нем ткань.

«Что такое? — подумал король. — Я ничего не вижу! Какой ужас! Значит, я глуп? Или я никуда не годный король? Это было бы хуже всего!» Но вслух он сказал:

— Очень красиво! Подобное мастерство заслуживает величайшей похвалы!

И он с довольной улыбкой стал кивать головой, делая вид, что любит ткань, — ведь он не хотел признаться, что ничего не видит.

Свита его во все глаза глядела на станки, но видела не больше остальных; однако все твердили вслед за королем, что ткань превосходная, и советовали ему сшить себе из этой великолепной ткани платье для предстоящего торжественного шествия.

— О, как чудесно! Роскошно! Изящно! — слышалось со всех сторон, и все выражали полное удовлетворение.

Король наградил обманщиков орденом, приказав носить его в петлице, и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь перед торжеством обманщики работали при свете шестнадцати свечей, ни разу даже не прилегли отдохнуть: ведь народ должен был видеть, что они заканчивают новое платье короля. Они сде-

лали вид, что сняли ткань со станков, и принялись кроить воздух большими ножницами, а потом шить иглой без нитки.

— Ну вот, платье готово! — сказали они наконец.

Тогда король в сопровождении самых знатных своих придворных пришел к ним, чтобы облачиться в новый наряд, а ткачи-обманщики протягивали руки, словно подавая ему что-то.

— Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! — приговаривали они. — И все легонькое, как паутинка! Наденешь — кажется, будто на теле ничего нет, но в этом-то и вся прелесть!

— Да! — в один голос подтвердили придворные, хотя никакого платья не видели, так как его и не было.

— Теперь пусть ваше величество соблаговолит снять с себя старое платье, — сказали обманщики. — Мы наденем на вас новое вот тут, перед большим зеркалом.

Король разделся догола, а обманщики сделали вид, будто одну за другой подают ему разные принадлежности его нового туалета, потом — будто прикрепляют ему длинный шлейф. А король поворачивался во все стороны и вертелся перед зеркалом.

— Боже, как вам идет это платье! Как оно чудесно сидит! — говорили все. — Какой узор! Какие краски! Что за роскошный наряд!

— Ваше величество, внизу вас ждет балдахин. Его понесут над вами во время процессии, — доложил обер-церемониймейстер.

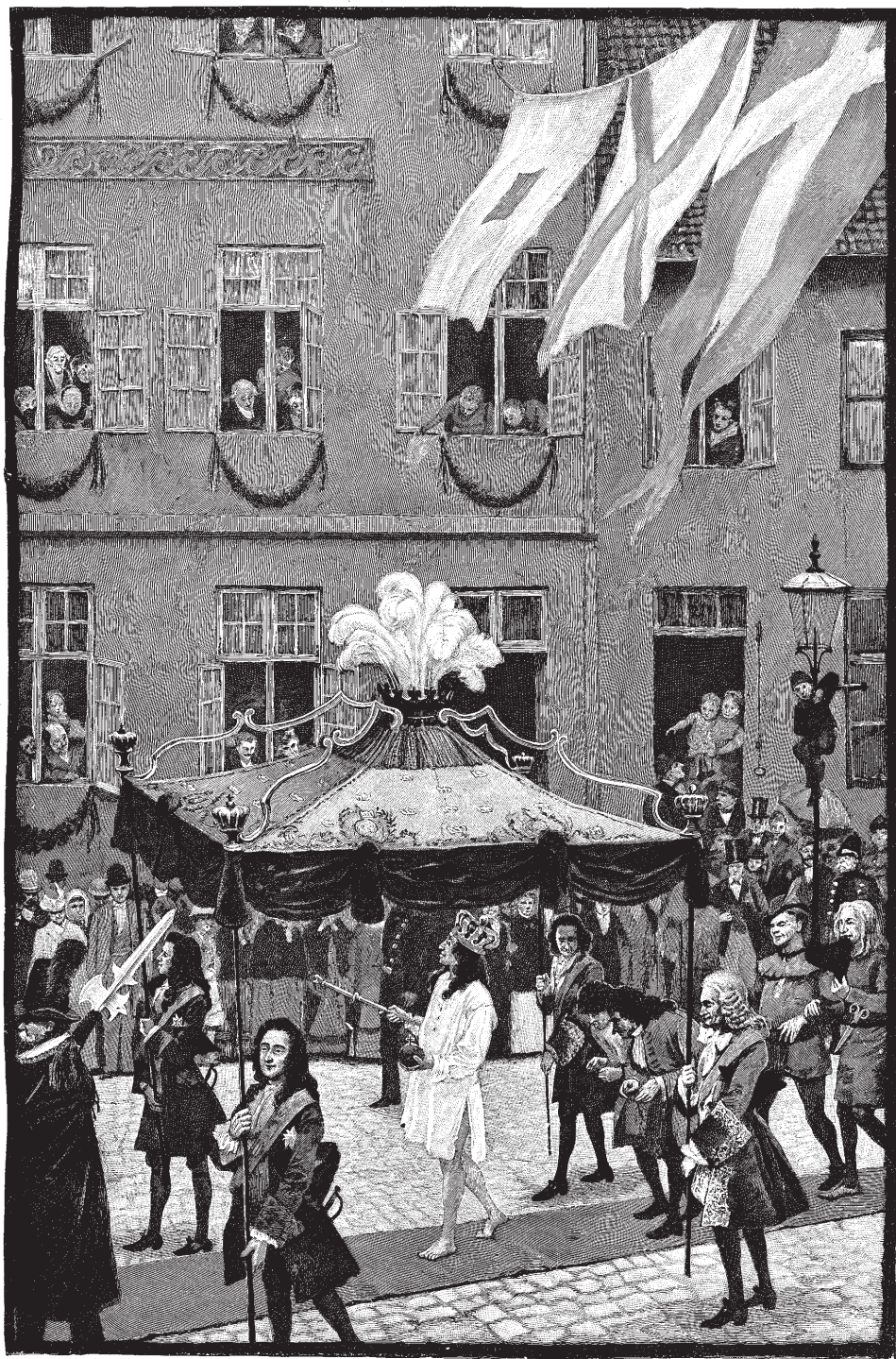
— Я готов! — отозвался король. — Правда, хорошо сидит? — И он снова повернулся перед зеркалом. Этим он хотел показать, что еще раз внимательно осматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф, стали хватать руками воздух, делая вид, будто поднимают шлейф с полу, а следуя за королем, не опускали рук, не желая признаться, что не видят никакого шлейфа.

И вот король шествовал в процессии под роскошным балдахином, а все люди, стоявшие на улицах и смотревшие из окон, говорили:

— Боже, как оно красиво, это новое платье короля! Как оно хорошо сидит! Какой чудесный шлейф у мантии!

Ни один человек не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп. Ни одно из платьев короля не имело такого успеха.

И вот король шествовал в процессии под роскошным балдахинном...

— Но ведь он голый! — воскликнул вдруг один ребенок.

— Послушайте-ка, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец; и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— А король-то голый! Ребенок говорит, что на нем ничего нет!

— На нем ничего нет! — закричал наконец весь народ.

Король содрогнулся — ему показалось, что люди правы, однако он все же решил довести церемонию до конца. И он принял еще более гордый вид, а камергеры шли за ним следом, притворяясь, будто несут шлейф, хотя на самом деле никакого шлейфа не было.

ОГНИВО

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Шел он домой с войны. По дороге встретилась ему старая ведьма, безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — буркнула она. — Ишь какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну сейчас я тебе отвалою денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо тебе, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — проговорила ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. — Внутри оно пустое. Влезь наверх — увидишь дупло, спустись в него до самого низу. Перед тем как ты спустишься, я тебя обвяжу веревкой вокруг пояса, а когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

— Но зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — ответила ведьма. — Надо тебе знать, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход, в нем горит больше трехсот ламп, поэтому там совсем светло. Потом ты увидишь три двери: можешь их отворить, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату — посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку, глаза у нее величиной с чайную чашку. Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, а ты расстели его на полу, быстренько подойди и схвати собаку; посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег сколько угодно. В этом сундуке лежат только медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату, там сидит собака с глазами как мельничные колеса, но ты не пугайся, посади ее на передник и бери деньги. А если тебе захочется золота, достанешь и его, сколько сможешь унести, стоит лишь пойти в третью комнату. У собаки, которая сидит там на деревянном сундуке, глаза с Круглую башню. Собака эта очень злая, можешь мне поверить! Но ты и ее не бойся. Посади ее на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что же ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь даром ты для меня ничего не сделаешь.

— Ни гроша я с тебя не возьму, — ответила ведьма. — Только принеси мне старое огниво — там его позабыла моя бабушка, когда спускалась туда в прошлый раз.

— Ну обвязывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, забрался в дупло и, как и говорила ведьма, очутился в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами как чайные чашки и таращила их на солдата.

— Молодчина! — сказал солдат и, посадив собаку на ведьмин передник, набрал себе полный карман медных денег, потом закрыл сундук, водворил на него собаку и перешел в другую комнату. Правду сказала ведьма! Там сидела собака с глазами как мельничные колеса.

— Ну нечего таращить на меня глаза, а то еще заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил себе оба кармана и ранец серебром. Затем он перешел в третью комнату. Ну и страшилище! У собаки, которая там сидела, глаза были никак не меньше Круглой башни и вращались, будто колеса.

— Добрый вечер! — сказал солдат и взял под козырек.

Такой собаки он еще не видывал.

Впрочем, смотрел он на нее недолго, а взял да и посадил ее на передник, потом открыл сундук. Боже! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговков сладостями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лоша-

...солдат взял да и посадил собаку на ведьмин передник, потом открыл сундук.

док и все кнутики на свете! Денег была уйма. Солдат выбросил серебряные деньги и так набил свои карманы, ранец, фуражку и сапоги золотом, что едва мог двигаться. Ну наконец-то он был при деньгах! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах, черт, чуть было не забыл! — ответил солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну отдавай мне огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сию минуту говори, на что оно тебе нужно, а не то вытащу саблю и голову тебе отрублю.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Ну, солдат взял да и отрубил ей голову. Ведьма повалилась на землю мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел себе на спину, огниво сунул в карман и отправился прямо в город.

Город этот был богатый. Солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и заказал все свои любимые блюда — ведь он теперь стал богачом!

Слуга, который чистил обувь приезжих, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Однако на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и дорогую одежду.

Теперь солдат сделался настоящим баринном, и ему рассказали обо всех достопримечательностях города, о короле и его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидеть? — спросил солдат.

— Это невозможно! — ответили ему. — Она живет в огромном медном замке, окруженном высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти в замок, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а королям такое понравиться не может.

«Вот бы на нее поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много денег отдавал бедным. И это было очень хорошо с его стороны, ведь он по себе знал, как трудно сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел множество друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Но так как он все только тратил деньги, а новых ему взять было неоткуда, то в конце концов осталось у него всего-навсего две монетки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; теперь никто из друзей его не навещал — уж очень высоко было к нему подниматься!

Однажды темным вечером солдат сидел в своей каморке, денег у него не было даже на свечку. И вдруг он вспомнил про крошечный огарочек, который он взял вместе с огнивом в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но, как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная штучка: теперь я смогу получить все, что захочу! Эй ты, добудь-ка мне денег! — приказал он собаке, и... раз — ее уж и след простыл; два — она опять была тут как тут, а в зубах держала большой кошель, набитый медными монетами! Тогда солдат понял, что за чудодейственное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, что сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, что сидела на серебре; ударишь три — прибегает та, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты и стал носить богатую одежду, а все его друзья немедленно узнали его и крепко полюбили вновь.

Вот раз ему и пришло в голову: «Как это глупо, что нельзя повидать принцессу! Такая красавица, говорят, а что толку? Весь век сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями! Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое

огниво?» — и он ударил по кремню раз. В тот же миг перед ним предстала собака с глазами как чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат, — но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она вернулась с принцессой. Принцесса сидела на спине у собаки и спала.

Она была чудо как хороша — всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса; и солдат не утерпел и поцеловал ее — он ведь был бравый воин, настоящий солдат.

Потом собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она нынче видела удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — воскликнула королева.

На следующую ночь в спальню принцессы отрядили старуху-фрейлину с приказом разузнать, был ли то сон или явь. А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью снова явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть к солдату, но старуха-фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидев, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — начертила большой крест на воротах и отправилась домой спать. Но собака на обратном пути заметила этот крест, сейчас же взяла кусок мела и понаставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла найти нужные ворота, раз на всех остальных тоже белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха-фрейлина и все офицеры пошли узнать, куда ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Крест и здесь, и здесь... — зашумели придворные, увидев кресты на других воротах. Тут все поняли, что не добиться им толку.

Но королева была женщина умная — она умела не только в каретах разъезжать. И вот взяла она большие золотые ножницы, разрежала кусок шелковой материи на несколько лоскутов и сшила крошеч-

*...народ толпами валит за город смотреть, как будут вешать солдата,
били барабаны, проходили полки.*

ный хорошенький мешочек, в тот мешочек она насыпала мелкой гречневой крупы и привязала его на спину дочке, а потом прорезала в нем дырочку, чтобы крупа сыпалась на дорогу, по которой поедет принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу себе на спину и побежала к солдату, а солдат до того влюбился в принцессу, что начал жалеть, почему он не принц, — так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она вскочила с принцессой, за нею сыпалась крупа. Уже рано утром король и королева узнали, куда ездила их дочь, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и тоскливо! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Невесело было услышать это. А огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку своей камеры и стал глядеть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата, били барабаны, проходили полки. Все бежали бегом; бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и стукнула прямо в стену, у которой стоял солдат, глядя сквозь решетку.

— Эй, ты куда торопишься? — сказал солдат мальчику. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот если ты сбегаешь туда, где я жил раньше, за моим огнивом, ты получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты и стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату, и... а вот сейчас узнаем, что было потом!

За городом была построена огромная виселица, а вокруг стояли солдаты и многие сотни тысяч людей. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему очень хотелось бы выкурить трубочку табаку — ведь это будет его последняя трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в такой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним пред-

стали все три собаки: собака с глазами как чайные чашки, собака с глазами как мельничные колеса, и собака с глазами как Круглая башня.

— Ну-ка помогите мне избавиться от петли! — приказал им солдат.

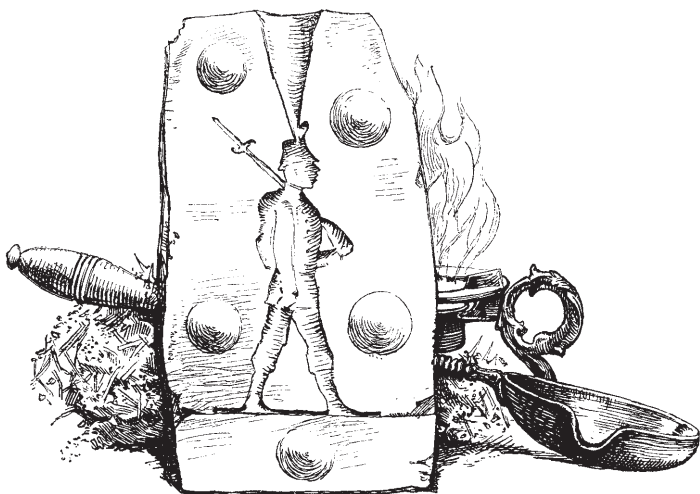
И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги схватили, того за нос, да и подбросили ввысь. Все упали и разбились вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королем и женись на прекрасной принцессе!

И вот солдата посадили в королевскую карету. Карета катилась, а все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура!». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

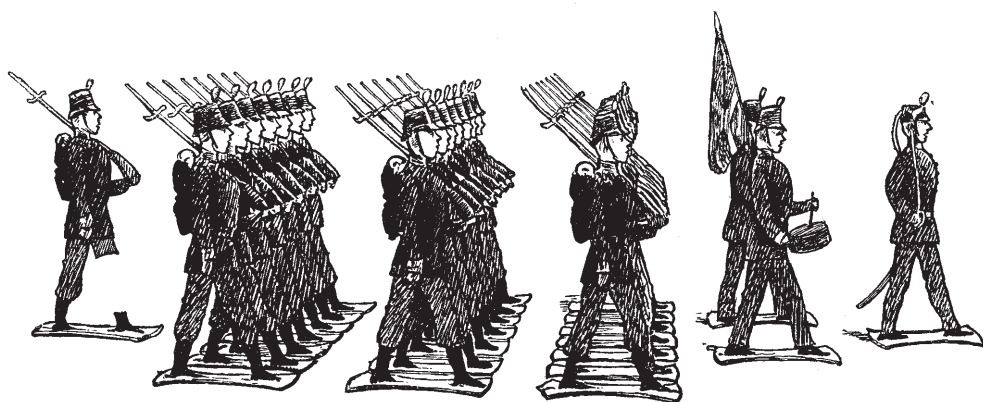
СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков. Все они родились от одной матери — старой оловянной ложки, а значит, приходились друг другу родными братьями. Были они красавцы писанные: мундир синий с красным, ружье на плече, взгляд устремлен вперед!

«Оловянные солдатика!» — вот первое, что услышали братья, когда открылась коробка, в которой они лежали. Это крикнул маленький мальчик и захлопал в ладоши. Солдатиков ему подарили в день его рождения, и он тотчас же стал расставлять их на столе. Оловянные солдатика походили друг на друга как две капли воды, и лишь один отличался от своих братьев: у него была только одна нога. Его отливали последним, и олова на него не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твердо, как другие на двух. И он-то как раз и отличился.

Мальчик расставил своих солдатиков на столе. Там было много игрушек, но красивее всех был чудесный замок из картона; сквозь его маленькие окна можно было заглянуть внутрь и увидеть комнаты. Перед замком лежало зеркальце, оно было совсем как настоящее озеро, а вокруг стояли маленькие деревья. По озеру плавали восковые лебеди и любовались своим отражением. Все это радовало глаз,

но очаровательней всего была молоденькая девушка, стоявшая на пороге широко раскрытых дверей замка. Она тоже была вырезана из картона. Юбочка ее была из тончайшей кисеи, узкая голубая ленточка спускалась с плеча к поясу. Ленточка была прикреплена сверкающей блесткой, очень большой, — она могла бы закрыть все личико девушки. Красавица эта была танцовщицей. Она стояла на одной ножке, протянув руки вперед, а другую ногу подняла так высоко, что

оловянный солдатик не сразу ее разглядел и сначала подумал, что красотка одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену, — подумал оловянный солдатик. — Только она, наверное, знатного рода — она живет в замке, а я в коробке; к тому же нас там целых двадцать пять штук. Нет, в коробке ей не место, но познакомиться с ней все же не мешает!» — и, растянувшись во всю длину, он спрятался за табакеркой, тоже стоявшей на столе. Отсюда он мог не отрываясь смотреть на хорошенькую танцовщицу, которая все стояла на одной ножке, никогда не теряя равновесия.

Вечером всех других солдатиков уложили обратно в коробку, и люди тоже легли спать. Тогда игрушки сами стали играть в гости, потом в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатiki завозились в коробке — им тоже захотелось поиграть, но они не могли приподнять крышку. Щелкунчик кувыркался, а грифель пошел плясать по аспидной доске. Поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да еще стихами! Только солдатик и танцов-

Отсюда он мог не отрываясь смотреть на хорошенькую танцовщицу, которая все стояла на одной ножке, никогда не теряя равновесия.

щица не сдвинулись с места. Она по-прежнему стояла на одной ножке, протянув руки вперед, а он застыл с ружьем на плече и ни на минуту не спускал глаз с девушки.

Пробило двенадцать. И вдруг — щелк, щелк! Это раскрылась табакерка. Табака в табакерке не было; в ней сидел маленький черный тролль очень искусной работы.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул тролль. — Перестань пучить глаза на то, что не про твою честь!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

— Ну погоди! Придет утро, увидишь! — сказал тролль.

Утром дети проснулись и переставили оловянного солдатика на окно. И тут — то ли по вине тролля, то ли по вине сквозняка — окно распахнулось, и наш солдатик полетел кувырком с третьего этажа. Вот страшно-то было! Он упал на голову, а его каска и штык застряли между булыжниками, — и он так и остался стоять на голове, задрав ногу кверху.

Служанка и младший из мальчиков сейчас же выбежали на улицу искать солдатика. Искали, искали, чуть было не раздавили его и все-таки не нашли. Крикну солдатик: «Я тут!» — они, конечно, увидели бы его, однако он считал неприличным громко кричать на улице, да еще будучи в мундире.

Но вот пошел дождь; он шел все сильнее и сильнее и наконец хлынул как из ведра, а когда перестал, на улицу выбежали мальчишки. Их было двое, и один из них сказал:

— Смотри, вон оловянный солдатик. Давай-ка отправим его в плавание!

Они сделали из газеты лодочку, поставили в нее оловянного солдатика и пустили ее по водосточной канаве. Лодочка плыла, а мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Боже ты мой! Как бились волны о стенки канавки, какое сильное в ней было течение! Да и немудрено, ведь ливень был славный! Лодочка то ныряла, то взлетала на гребень волны, то вертелась, и оловянный солдатик вздрагивал; но он был стойкий и все так же невозмутимо смотрел вперед, держа ружье на плече.

Вот лодочка подплыла под мостик, и стало так темно, что солдатика показалось, будто он снова попал в свою коробку.

«Куда ж это меня несет? — думал он. — Все это проделки тролля! Вот если бы в лодочке со мной сидела маленькая танцовщица, тогда пускай бы хоть и вдвое темнее было».

В эту минуту из-под мостика выскочила большая водяная крыса — она здесь жила.

— А паспорт у тебя есть? — крикнула крыса. — Предъяви паспорт.

Но оловянный солдатик молчал и еще крепче прижимал к себе ружье. Лодочка плыла все дальше, а крыса плыла за ней. Ох, как она скрежетала зубами, крича встречным щепкам и соломинкам:

— Держите его! Держите! Он не уплатил дорожной пошлины, не предъявил паспорта!

Лодочку понесло еще быстрее; скоро она должна была выплыть из-под мостика — оловянный солдатик уже видел свет впереди, — но тут раздался грохот до того страшный, что, услышав его, любой храбрец задрожал бы от страха. Подумать только: канавка кончалась, и вода падала с высоты в большой канал! Оловянному солдатику гро-

зила такая же опасность, какой подверглись бы мы, если бы течение несло нас к большому водопаду.

Но вот лодка выплыла из-под мостика, и ничто уже не могло ее остановить. Бедный солдатик держался все так же стойко, даже глазом не моргнул. И вдруг лодка завертелась, потом накренилась, сразу наполнилась водой и стала тонуть. Оловянный солдатик уже стоял по шею в воде, а лодка все больше размокала и погружалась все глубже; теперь вода покрыла солдатика с головой. Он вспомнил о прелестной маленькой танцовщице, которую ему не суждено больше увидеть, и в ушах у него зазвучала песенка: *«Вперед, о воин! Иди на смерть»*.

Бумага совсем размокла, прорвалась, и солдатик уже стал тонуть, но в этот миг его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было у нее в глотке! Еще темней, чем под мостиком, и в довершение всего так тесно! Но оловянный солдатик и тут держался стойко — он лежал, вытянувшись во всю длину, с ружьем на плече.

А рыба, проглотив его, стала неистово метаться, бросаясь из стороны в сторону, но вскоре затихла. Прошло некоторое время, и вдруг во тьме, окружавшей солдатика, молнией блеснуло что-то блестящее, потом стало совсем светло и кто-то громко воскликнул: *«Оловянный солдатик!»*

Вот что произошло: рыбу поймали и снесли на рынок, а там кто-то купил ее и принес на кухню, где кухарка разрешила рыбу острым ножом; увидев солдатика, она взяла его двумя пальцами за талию и отнесла в комнату. Вся семья собралась поглядеть на удивительного человечка, который совершил путешествие в рыбьем брюхе, но оловянный солдатик не возгордился.

Его поставили на стол, и вот — чего только не бывает на свете! — солдатик снова очутился в той же самой комнате, где жил раньше, и увидел тех же знакомых ему детей. Те же игрушки по-прежнему стояли на столе, и тот же чудесный замок с прелестной маленькой танцовщицей. Она все так же прямо держалась на одной ножке, высоко подняв другую, — ведь она тоже была стойкая! Все это так растрогало оловянного солдатика, что из глаз его чуть не покатались оловянные слезы. Но солдату плакать не полагается, и он только посмотрел на танцовщицу, а она на него. Но ни он, ни она ни слова не вымолвили.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Вдруг один из малышей схватил солдатика и швырнул его прямо в печку — неизвестно зачем, должно быть, его подучил злой тролль, сидевший в табакерке.

Теперь солдатик стоял в топке, освещенный ярким пламенем, и было ему нестерпимо жарко; он чувствовал, что весь горит, но что сжигало его — пламя или любовь, этого он и сам не знал. Краски на нем полиняли, но было ли то от горя, или же они сошли еще во время его путешествия, этого тоже никто не знал. Он не сводил глаз с маленькой танцовщицы, она тоже смотрела на него, и он чувствовал, что тает, однако все еще стоял прямо, с ружьем на плече. Но вдруг дверь в комнату распахнулась, сквозняк подхватил танцовщицу, и она, как мотылек, впорхнула в печку, прямо к оловянному солдатiku, вспыхнула ярким пламенем — и ее не стало. Тут оловянный солдатик совсем расплавился. От него остался только крошечный кусочек олова. На следующий день, когда служанка выгребала золу, она нашла в топке оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась только блестящая. Но она уже не сверкала — почернела как уголь.

Жил-был один принц, и захотелось ему жениться на принцессе, но только на самой настоящей принцессе. Он объездил весь свет, чтобы найти себе невесту, да так и не нашел. Принцесс было сколько угодно, но он никак не мог узнать, настоящие они или нет. Всем им чего-нибудь не хватало. И вот принц вернулся домой огорченный — очень уж ему хотелось найти настоящую принцессу.

Однажды вечером разыгралась непогода: гремел гром, сверкала молния, дождь лил как из ведра.

Вдруг кто-то постучался в городские ворота, и старый король пошел отpirать.

За воротами стояла принцесса. Но боже, в каком она была виде! Потоки дождевой воды стекали по ее волосам и платью на носки туфель и вытекали из-под каблуков. И она еще уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну это уж мы проверим», — подумала старая королева, но ничего не сказала и пошла в спальню. Там она сбросила с кровати одеяло и простыни и на голые доски положила горошину, потом прикрыла

эту горошину двенадцатью тюфяками, а поверх тюфяков набросала еще двенадцать перинок из гагачьего пуха.

На эту кровать уложили принцессу, и там она пролежала всю ночь.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

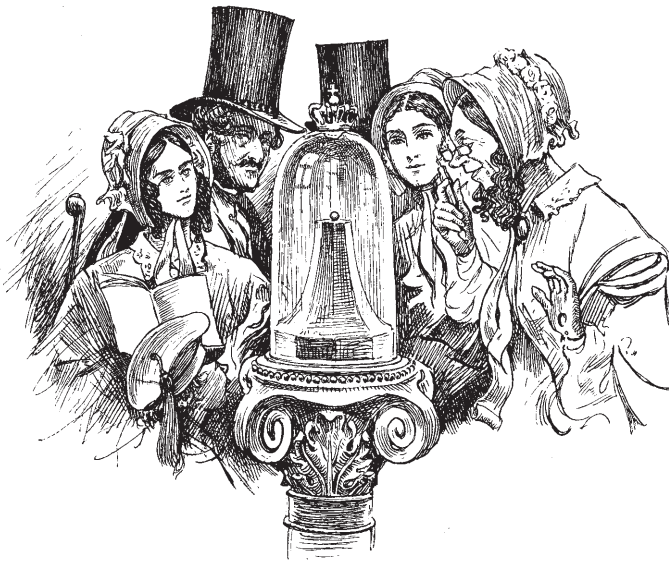
Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень плохо! — ответила принцесса. — Я почти всю ночь напролет глаз не смыкала. Один бог знает, что такое попало ко мне в постель. Я лежала на чем-то твердом, и теперь у меня все тело в синяках. Это просто ужасно!

Тут все поняли, что это настоящая принцесса, ведь она лежала на двенадцати тюфяках и двенадцати перинках, а все-таки чувствовала горошину. Столь чувствительной могла быть только настоящая принцесса.

Тогда принц женился на ней — наконец-то он не сомневался, что нашел настоящую принцессу. А горошина попала в кунсткамеру, где и лежит до сих пор, если только никто ее не украл.

Знай, что это истинная история!

МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС

В одной деревне жили два человека. Они были тезки, того и другого звали Клаусом, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы их различать, того, у которого было четыре лошади, прозвали Большим Клаусом, а другого — Маленьким Клаусом. Послушаем-ка теперь, что с ними случилось, — это ведь было!

Всю неделю Маленький Клаус должен был пахать поле Большого Клауса и притом на своей единственной лошадке. Зато Большой Клаус, в свою очередь, помогал ему раз в неделю — по воскресеньям. Большой Клаус давал Маленькому Клаусу своих четырех лошадей. Ух ты, как звонко щелкал кнутом Маленький Клаус над всей пятер-

кой! Словно все лошади были его собственными. Солнце сияло, колокола звонили к обеду, разряженные люди шли с молитвенниками под мышкой в церковь, послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, а он, ликуя, щелкал кнутом да покрикивал:

— Эх вы, лошадушки вы мои!

— Не смей так говорить! — сказал ему однажды Большой Клаус. — У тебя ведь только одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус, забыв о том, что ему запретили так говорить, снова покрикивал:

— Ну вы, лошадушки вы мои!

— Перестань сейчас же! — приказал ему наконец Большой Клаус. — Если ты скажешь это еще хоть раз, я возьму да стукну твою лошадь по лбу. Ей тогда сразу конец придет!

— Не буду больше! — сказал Маленький Клаус. — Право же, не буду!

Но тут кто-то опять прошел мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет на целых пяти лошадях, снова щелкнул кнутом и закричал:

— Ну вы, лошадушки вы мои!

— Вот я тебе покажу твоих лошадушек! — обозлился Большой Клаус.

Взял топор — да как хватит лошадь Маленького Клауса обухом по лбу. Убил наповал.

— Эх, нет теперь у меня ни одной лошадки! — сказал Маленький Клаус и заплакал.

Немного погодя он снял с лошади шкуру, высушил ее хорошенько на ветру и положил в мешок, потом взвалил мешок на спину и пошел в город продавать шкуру.

Идти пришлось очень далеко, через большой темный лес, а тут еще непогода разыгралась. Маленький Клаус заблудился, а когда выбрался на дорогу, уже совсем стемнело. До города было еще далеко, да и домой не близко, никак нельзя добраться ни туда, ни сюда раньше, чем наступит ночь.

При дороге стоял большой крестьянский двор, ставни в доме были уже закрыты, но сквозь их щели проникал свет.

«Тут я, пожалуй, найду себе приют на ночь», — подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла дверь, но, узнав, чего он хочет, отказалась его впустить, объяснив, что мужа ее нет дома, а без него она не должна принимать гостей.

— Видно, придется переночевать на дворе! — сказал Маленький Клаус, когда хозяйка захлопнула дверь перед его носом.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом — сарайчик с плоской соломенной крышей.

— Вот там я и улягусь! — сказал Маленький Клаус, глядя на эту крышу. — Чудесная постель! Аист, надо надеяться, не слетит туда и не клюнет меня в ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома стоял живой аист в своем гнезде.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни в доме закрывали только нижнюю половину окон, и Маленький Клаус хорошо видел все, что делается в горнице.

В горнице был накрыт большой стол, а на нем — и вино, и жаркое, и вкусная рыба, за столом сидели хозяйка и пономарь — больше никого.

Хозяйка наливала гостю вино, а он уплетал рыбу — он был большой до нее охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» — подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой великолепный пирог он увидел! Вот так пир!

Но тут он услышал, что кто-то подъезжает к дому — вернулся домой хозяйкин муж. Это был очень хороший человек, но водилась за ним одна слабость: он видеть не мог пономарей. Стоило крестьянину встретить пономаря, как он приходил в бешенство. Потому-то пономарь и выбрал время, когда его не было дома, чтобы зайти к его жене, а добрая женщина постаралась угостить гостя на славу. Оба они до смерти перепугались, когда хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, стоявший в углу. Пономарь послушался — он ведь знал, что бедняга-хозяин терпеть не может пономарей, — а хозяйка проворно убрала все угощение в печку: если бы ее муж увидел

кушанье и вино, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

— Ах! — громко вздохнул Маленький Клаус, лежа на сарае и глядя, как исчезает вкусная еда.

— Кто там? — спросил крестьянин и увидел Маленького Клауса. — Ты чего тут лежишь? Пойдем-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, что заблудился, припоздал, и попросился переночевать.

— Ну что ж, ночуй! — сказал крестьянин. — Только сперва нам с тобой надо подкрепиться.

Хозяйка встретила их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши.

Крестьянин проголодался и ел с большим аппетитом, а у Маленького Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, спрятанные в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, той самой, которую он нес продавать. Каша не лезла Клаусу в горло, и вот он придавил мешок ногой: сухая шкура громко заскрипела.

— Тсс! — сказал Маленький Клаус мешку, а сам опять наступил на него, и шкура заскрипела громче прежнего.

— Что там у тебя? — спросил хозяин.

— Да это всё мой колдун! — сказал Маленький Клаус. — Говорит, что не стоит нам есть кашу, — он уже наколдовал для нас полную печку всяких вкусных кушаний: там и жаркое, и рыба, и пирог.

— Вот так штука! — воскликнул крестьянин, мигом открыл печку и увидел там разные блюда, одно другого лучше. Мы-то знаем, что их туда спрятала его жена, а он думал, что это всё колдун наколдовал.

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила все блюда на стол, а муж с гостем принялись уплетать и жаркое, и рыбу, и пирог. Но вот Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура заскрипела.

— Что он сейчас сказал? — спросил крестьянин.

— Да вот, говорит, что наколдовал нам еще три бутылки вина, они тоже в печке, — ответил Маленький Клаус.

Пришлось хозяйке вытащить и вино. Крестьянин выпил малую толику и совсем развеселился. И вот ему до смерти захотелось иметь такого колдуна, как у Маленького Клауса.

— А может он вызвать черта? — спросил крестьянин. — Вот на кого я бы посмотрел, ведь мне сейчас весело!

— Да! — ответил Маленький Клаус. — Мой колдун может сделать все, что я захочу. Правда? — спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура заскрипела. — Слышишь? Он отвечает: «Да». Только черт очень уж безобразный, не стоит на него смотреть!

— Ну я его ни капельки не боюсь! А какой он на вид?

— Да вылитый пономарь!

— Тьфу! — плюнул крестьянин. — Вот мерзость! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но все равно, ведь я знаю, что это черт, и мне будет не так противно! К тому же я сейчас набрался

храбрости, это очень кстати. Только пусть он не подходит слишком близко!

— А вот я сейчас скажу колдуну! — проговорил Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

— Ну что?

— Он велит тебе пойти и открыть вон тот сундук в углу, черт в нем спрятался. Только придерживай крышку, а то он выскочит.

— А ты помоги придержать! — сказал крестьянин и пошел к сундуку, в который хозяйка спрятала пономаря.

Пономарь был ни жив ни мертв от страха. Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

— Тьфу! — закричал он и отскочил прочь. — Видел, видел! Точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Подобную неприятность необходимо было запить, и собутыльники попивали вино до поздней ночи.

— А колдуна этого ты мне продай! — сказал крестьянин. — Проси сколько хочешь, хоть целую мерку денег!

— Нет, не могу! — отозвался Маленький Клаус. — Подумай, какую пользу я от него имею!

— Продай! Мне страсть как хочется его заполучить! — сказал крестьянин и принялся упрашивать Маленького Клауса.

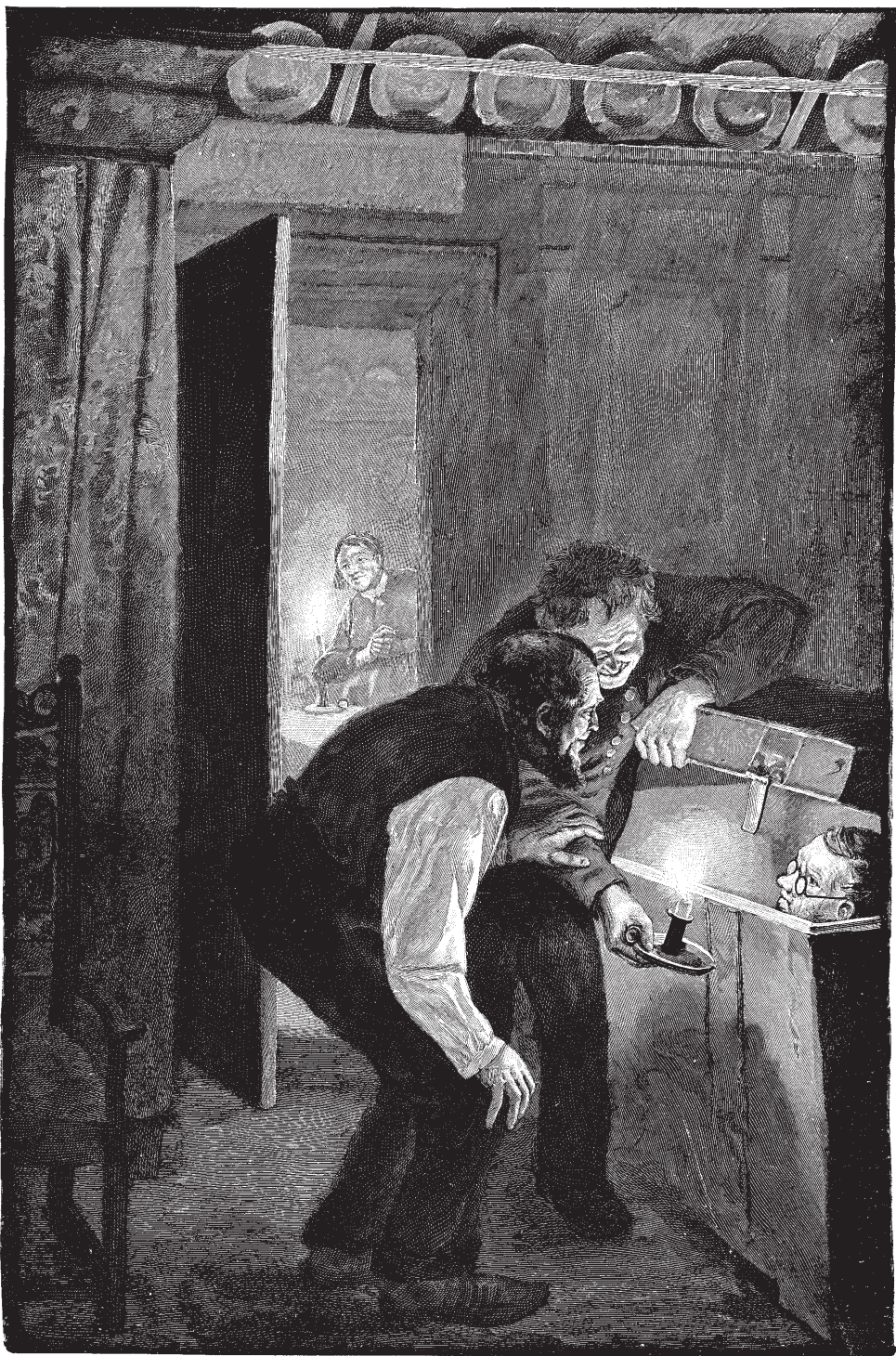
— Ну, ладно, — проговорил наконец Маленький Клаус, — будь по-твоему. Ты со мной обошелся ласково, пустил меня переночевать, так бери себе моего колдуна за мерку денег; но смотри — насыпай поплнее!

— Хорошо! — сказал крестьянин. — Только возьми уж кстати и сундук, я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почем знать, может, черт все еще там сидит.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высушенной шкурой и получил за него полную мерку денег, а еще крестьянин дал ему в придачу большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

— Прощай! — сказал Маленький Клаус и покатил тачку с деньгами и сундуком, в котором все еще сидел пономарь.

По ту сторону леса протекала большая глубокая река, да такая быстрая, что трудно было бороться с ее течением. Через реку был пере-

Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

кинут большой новый мост. Маленький Клаус встал посредине моста и сказал как можно громче, чтобы пономарь услышал:

— К чему мне этот дурацкий сундук? Ну и тяжелый! Словно камнями набит. Замучаюсь я с ним. Брошу-ка его в реку, приплывет он ко мне домой сам — ладно, а не приплывет — и не надо!

И вот Маленький Клаус взялся за сундук одной рукой и слегка приподнял его, как будто хотел столкнуть в воду.

— Постой! — закричал в сундуке пономарь. — Выпусти меня сначала!

— Ай! — крикнул Маленький Клаус, делая вид, что испугался. — Он все еще тут! В воду его скорее! Пусть потонет!

— Нет, нет! Это не черт, это я! — кричал пономарь. — Выпусти меня, я тебе целую мерку денег дам!

— Вот это дело другое! — сказал Маленький Клаус и открыл сундук.

Пономарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к пономарю, и Маленький Клаус получил еще целую мерку денег. Теперь вся тачка была доверху набита деньгами.

«А лошадка-то мне недурной барыш принесла! — подумал Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол всю кучу денег. — Вот разозлится Большой Клаус, когда узнает, как я разбогател по милости своей единственной лошади! Только не стану я всего рассказывать».

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить мерку, которой мерят зерно.

«На что она ему нужна?» — подумал Большой Клаус и вымазал дно мерки дегтем, авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив свою мерку, Большой Клаус увидел, что к ее дну прилипли три новенькие серебряные монетки.

— Вот так штука! — сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу.

— Откуда у тебя столько денег?

— Вчера вечером продал шкуру своей лошади.

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус.

Побежал домой, взял топор и прикончил всех своих четырех лошадей, потом снял с них шкуры и отправился в город продавать их.

— Шкуры! Шкуры! Кому нужны шкуры! — кричал он по улицам. Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

— Мерку денег за штуку! — отвечал Большой Клаус.

— Да ты с ума сошел! — возмутились покупатели. — У нас столько денег не водится, чтобы их мерками тратить.

— Шкуры! Шкуры! Кому нужны шкуры! — кричал он опять и всем, кто спрашивал, почему у него шкуры, отвечал: — Мерку денег за штуку.

— Да он нас дурачить вздумал! — закричали сапожники и кожевники, схватили кто ремень, кто кожаный передник и принялись хлестать Большого Клауса.

— «Шкуры! Шкуры!» — передразнивали они его. — Вот мы тебе покажем шкуры! Дождешься, что кровью харкать будешь, красными поросятами плеваться! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Отроду его так не колотили.

— Ну, — проговорил он, добравшись до дому, — поплатится же мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса как раз умерла старушка-бабушка; она, правда, была очень жадная и злая, но он все-таки ее жалел и на ночь уложил в свою теплую постель: авось оживет, думал. А сам уселся в углу на стуле — так ему случалось спать и прежде.

Ночью дверь открылась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошел к ней — и хват по лбу того, кто на ней лежал. Думал, что это Маленький Клаус лежит, а там была мертвая бабушка.

— Вот тебе! Не будешь больше меня дурачить! — сказал Большой Клаус и пошел домой.

— Ну и злодей! — воскликнул Маленький Клаус. — Это он меня укокошить хотел! Хорошо, что бабушка уже умерла, а то бы ей все равно конец пришел!

Тут он одел бабушку в праздничное платье, потом попросил у соседа лошадь и запряг ее в тележку, а старушку усадил на заднее сиденье так, чтобы она не свалилась. Сел в тележку сам и покатил по лесу. Когда солнышко встало, Маленький Клаус подъехал к большому постоялому двору. Тут он остановился и пошел заказать себе чего-нибудь поесть.

Хозяин постоянного двора был человек богатый и в общем неплохой, но слишком уж горячий, точно перцем и табаком начиненный.

— Здравствуй! — сказал он Маленькому Клаусу. — Что это ты нынче расфрантился спозаранку?

— Да вот, пришлось бабушку в город везти, — ответил Маленький Клаус, — она там, в тележке, осталась, ни за что не хочет вылезать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчик меду; только говорите погромче: глуховата она!

— Ладно! — согласился хозяин. Взял большой стакан меду и понес его мертвой бабушке, а та сидела в тележке прямая как палка.

— Вот, прислал вам внучек стаканчик меду! — проговорил хозяин, подойдя к тележке, но старуха не ответила ему ни слова, даже не пошевелинулась.

— Слышите? — закричал хозяин во весь голос. — Ваш внук посылает вам стакан меду!

Еще раз прокричал он то же самое и еще раз — не шелохнулась старуха. Тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо, так что мед потек у нее по носу, а сама она опрокинулась навзничь — Маленький Клаус ведь не привязал ее, а только прислонил к спинке скамейки.

— Что ты наделал? — завопил Маленький Клаус и, выскочив из дома, схватил хозяина за шиворот. — Ты мою бабушку убил! Погляди, какая у нее дырка во лбу!

— Вот беда-то! — заохал хозяин, всплеснув руками. — И все из-за моей горячности! Маленький Клаус, друг, я тебе целую мерку денег дам, а бабушку твою похороню, как свою собственную, только ты про все, что было, — молчок! Не то мне голову отрубят, а это не очень-то приятно!

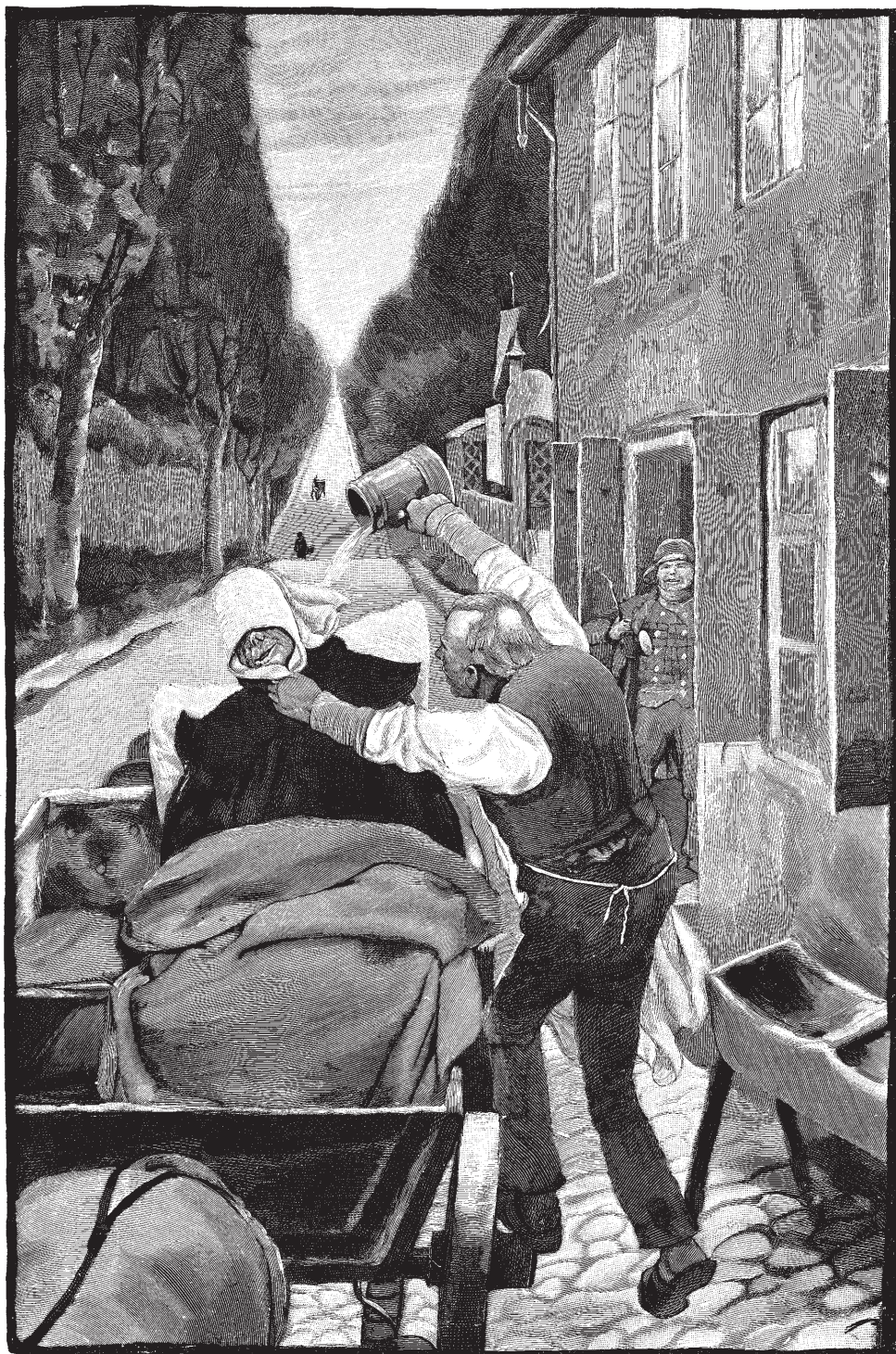
И вот Маленький Клаус получил целую мерку денег, а хозяин похоронил его старую бабушку не хуже, чем свою собственную.

Маленький Клаус опять вернулся домой с целой кучей денег и сейчас же послал к Большому Клаусу мальчика за меркой.

«Как так? — удивился Большой Клаус. — Да неужто я его не убил? Надо посмотреть своими глазами».

И он сам понес мерку Маленькому Клаусу.

— Откуда это у тебя такая куча денег? — спросил он и даже глаза вытаращил, увидев, сколько у его соседа прибавилось денег.

*Тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо,
так что мед потек у нее по носу...*

— Убил-то ведь ты не меня, а мою бабушку, — ответил Маленький Клаус, — и я ее продал за мерку денег!

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, потом положил ее в тележку, отвез в город аптекаря и предложил ему купить мертвое тело.

— Чье оно и где вы его взяли? — спросил аптекарь.

— Это моя бабушка! — ответил Большой Клаус. — Я убил ее, чтобы продать за мерку денег!

— Господи помилуй! — воскликнул аптекарь. — Да вы сами не знаете, что говорите! Берегитесь, за это с вас могут голову снять!

И аптекарь растолковал Большому Клаусу, каких дел он наделал, какой он дурной человек и как его за это накажут. Большой Клаус перепугался, опрометью выскочил из аптеки, сел в тележку, стегнул по лошадям и помчался домой. Аптекарь и все вокруг подумали, что он сумасшедший, и потому не стали его ловить.

— Ну и поплатишься ты мне за это, ну и поплатишься, Маленький Клаус! — вскричал Большой Клаус, выехав на дорогу.

И как только добрался он до дому, взял огромный мешок, пошел к Маленькому Клаусу и сказал:

— Ты опять меня одурачил! Сперва я убил своих лошадей, а теперь и бабушку! И все это по твоей милости! Но уж больше тебе меня не надуть!

И вот он схватил Маленького Клауса и засунул его в мешок, а мешок завязал, вскинул себе на спину и крикнул:

— Пойду утоплю тебя!

До реки было недалеко, и Большому Клаусу стало тяжело тащить Маленького. Дорога шла мимо церкви, из которой доносились звуки органа, да и молящиеся хорошо пели хором. Большой Клаус поставил мешок с Маленьким Клаусом у самых церковных дверей и подумал, что не худо бы зайти в церковь послушать псалом — а потом уж идти дальше. Маленький Клаус не мог ведь вылезти из мешка без чужой помощи, а весь народ был в церкви. И вот Большой Клаус вошел туда.

— Ох-ох! — вздыхал Маленький Клаус, ворочаясь в мешке; но как он ни старался развязать мешок — не мог. В это самое время проходил мимо старый, седой как лунь пастух, который гнал свое стадо, с

большим посохом в руках. Коровы и быки набежали на мешок с Маленьким Клаусом и повалили его.

— Ох-ох! — заохал Маленький Клаус. — Какой я молодой, а уже должен отправиться в Царство Небесное!

— А я, несчастный, совсем одряхлел, но все никак не могу туда попасть! — сказал пастух.

— Развяжи мешок! — закричал Маленький Клаус. — Полезай на мое место — живо туда попадешь!

— С большим удовольствием! — сказал пастух и развязал мешок, а Маленький Клаус мигом выскочил на волю.

— Теперь ты будешь пасти скотину! — сказал старик и влез в мешок. Маленький Клаус завязал его и погнал стадо дальше.

Немного погодя из церкви вышел Большой Клаус и взвалил мешок себе на спину, тут ему сразу показалось, что мешок стал гораздо легче: ведь Маленький Клаус весил вдвое больше старика-пастуха.

«Ишь как теперь легко стало! А все оттого, что я прослушал псалом!» — подумал Большой Клаус, а когда дошел до широкой и глубокой реки, бросил в нее мешок с пастухом и, полагая, что там сидит Маленький Клаус, крикнул:

— Ну вот, вперед не будешь меня дурачить!

Затем он отправился домой, но у перепутья встретил Маленького Клауса с целым стадом!

— Вот тебе раз! — воскликнул Большой Клаус. — Да разве я тебя не утопил?

— Утопил, конечно! — ответил Маленький Клаус. — Прошло уже с полчаса с тех пор, как ты меня в реку бросил.

— Так откуда же ты взял такое громадное стадо? — спросил Большой Клаус.

— А это водяное стадо! — ответил Маленький Клаус. — Расскажу тебе целую историю. Но сначала поблагодарю тебя за то, что ты меня утопил, — как видишь, я теперь разбогател! Правда, страшновато мне было в мешке. Ветер так и засвистел в ушах, когда ты бросил меня в холодную воду. Я сразу пошел ко дну, но не ушибся: там на дне растет нежная, мягкая травка — в нее-то я и упал. Мешок сейчас же развязался, и откуда ни возмись появилась девушка, да такая красотка! В белом как снег платье и зеленом венке на мокрых волосах. Она взяла меня за руку и сказала: «А, это ты, Маленький Клаус?»

Слушай: прежде всего бери этот скот, а в миле отсюда, на дороге, па-сется другое стадо, побольше, иди к нему, я дарю его тебе».

Тут я увидел, что для водяных жителей река все равно что дорога: они ездят и ходят по дну от самого озера и до верховьев реки. До чего хорошо! Какие цветы, какая свежая трава! А рыбки шмыгали мимо

моих ушей — точь-в-точь как у нас здесь птички! Что за красавцы по-падались мне навстречу и какие чудесные стада паслись у изгородей и канав!

— Почему же ты скоро вернулся? — спросил Большой Клаус. — Если там так хорошо, меня оттуда нипочем не выманили бы!

— А я это неспроста сделал! — сказал Маленький Клаус. — Я тебе уже говорил, что водяная девушка велела мне отправиться за другим стадом, которое пасется при дороге, всего в одной миле от того места, где мы с ней встретились, — дорогой она называет реку, другой дороги у них нету; а река так петляет, что мне пришлось бы сделать здоровый крюк, пойдя я по дну. Вот я и решился выбраться на сушу да шагать напрямик к тому месту, где ждет меня мое водяное стадо, так я сокращу путь почти на полмили.

— Экий счастливец! — сказал Большой Клаус. — А как ты думаешь, я тоже получу стадо, если спущусь на дно?

— Конечно! — ответил Маленький Клаус. — Только я не могу тащить тебя в мешке до реки, больно уж ты тяжелый. Хочешь, дойди до нее сам и влезь в мешок, а я с превеликой охотой сброшу тебя в воду!

— Спасибо! — проговорил Большой Клаус. — Но берегись, если я там не получу стада, я тебя изобью, так и знай!

— Ну, ну, не кипятись! — сказал Маленький Клаус, и они пошли к реке.

Скоту очень хотелось пить, и, едва завидев воду, все стадо бросилось к ней.

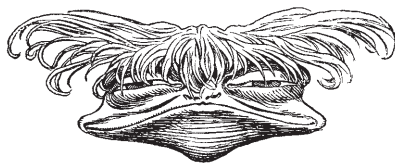
— Погляди, как они торопятся! — сказал Маленький Клаус. — Это им не терпится поскорее попасть домой — на дно!

— А ты сперва помоги мне, а не то я тебя изобью! — сказал Большой Клаус и влез в мешок, который лежал на спине у одного быка. — Да положи мне в мешок камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

— Пойдешь! — возразил Маленький Клаус, но все-таки положил в мешок большой камень, потом крепко завязал его и толкнул в воду.

Бултых! — и Большой Клаус пошел прямо ко дну.

— Ох, боюсь, не найдет он там ни коров, ни быков! — сказал Маленький Клаус и погнал свое стадо домой.

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ: ГАНС ХРИСТИАН ТЕГНЕР

Ганс Христиан Тегнер (Hans Tegner) (1853 – 1932), известный датский художник, иллюстратор и скульптор, прославился своими замечательными гравюрами и рисунками к сказкам своего знаменитого тезки — Ганса Христиана Андерсена.

Ганс Тегнер родился в Копенгагене в семье Исаака Вильгельма Тегнера, занимавшегося литографией. В шестнадцать лет он поступил учиться в датскую Академию художеств по классу живописи. В 1882 году состоялась его первая персональная выставка акварелей.

Известность художника-иллюстратора Тегнер завоевал, выполнив иллюстрации к трехтомному изданию «датского Мольера» — Людвиг Гольберга. За эту работу он был удостоен специальной Королевской премии.

Иллюстрации к сказкам Андерсена принесли Гансу Тегнеру мировую известность. За них он был удостоен золотой медали на Всемирной выставке в Париже.

Критики называли его «человеком, равным по таланту и фантазии великому сказочнику — Гансу Христиану Андерсену».

Художественная одаренность Тегнера отличалась удивительным многообразием. Свою творческую деятельность он продолжил, работая скульптором по мелкой пластике на знаменитой фарфоровой мануфактуре «Бинг и Грендель». Фарфоровыми фигурками, сделанными по его эскизам, восхищается уже не одно поколение.

Скончался Ганс Христиан Тегнер 2 апреля 1932 года в Фредериксберге на восьмидесятом году жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Новое платье короля	5
Огниво	12
Стойкий оловянный солдатик	23
Принцесса на горошине	30
Маленький Клаус и большой Клаус	33
Дикие лебеди	48
Двенадцать пассажиров	67
Ганс Чурбан	73
Райский сад	79
Ель	95
Тень	105
Блуждающие огоньки в городе!	120
Старый дом	135
Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях	146
Что муженек ни сделает, все хорошо	159
Воротничок	166
Свинопас	170
Снеговик	177
Тетушка Зубная Боль	183
Русалочка	196
Домовой и Хозяйка	220
Как буря перевесила вывески	226
Снежная королева	233
Пастушка и трубочист	267
Жених и невеста	273
Дорожный товарищ	276
Оле-Лукойе	296
Гадкий утенок	315
Дюймовочка	329
Соловей	341
Бузинная матушка	353
Прыгуны	364
Истинная правда	368
Девочка со спичками	373
Сундук-самолет	378
Аисты	387
Свинья-копилка	394
Цветы маленькой Иды	398
Всему свое место	408
Калоши счастья	417
Счастливое семейство	447
История одной матери	452
О художнике этой книги: Ганс Христиан Тегнер	459